

студентів-філософів та молодих науковців 2009 р. – Дрогобич: РВВ Дрогоб. держ. пед. ун-ту ім. І. Франка, 2009. – С. 88–90.

2. **Вальчук А.** Проблема життя і смерті в давньоукраїнській філософській думці та трансформація української духовності / А. Вальчук // Мультиверсум. Філософський альманах. – Вип. 20. – К., 2001. – С. 99–109.
3. **Жеребило І.** Проблема сенсу життя людини в українській середньовічній філософії: монографія / І. Жеребило. – Львів: НБІ НБУ, 2004.
4. **Зеленин Д. К.** Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М., 1991.
5. **Мономах Володимир.** Повчання // Історія української філософії: хрестоматія / упорядник М. В. Кашуба. – Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2004. – С. 30–33.

Надійшла до редколегії 28.12.09

УДК 141.32

О. Н. Чипуренко

Украинский государственный химико-технологический университет

ТРАКТОВКА ЕКЗИСТЕНЦИИ САРТРОМ И ХАЙДЕГГЕРОМ

Показано, що Сартр екзистенцію трактує як свідомість, тоді як Гайдеггер розуміє екзистенцію як характеристику Dasein. Трансцендентність Іншого для свідомості може стати за-буттям.

Ключові слова: екзистенція, свідомість, буття-от, недійсність.

Показано, что Сартр экзистенцию трактует как сознание, тогда как Хайдеггер понимает экзистенцию как характеристику Dasein. Трансцендентность Другого для сознания может стать за-бытием.

Ключевые слова: экзистенция, сознание, бытие-вот, неподлинность.

It is shown that Sartre treats existence as consciousness, whereas Heidegger understands existence as a characteristic of Dasein. Transcendence of the Other for consciousness may come Out-of-being.

Keywords: existence, consciousness, Dasein, unauthenticity.

Обвинения Сартра в преувеличении значения тревоги как характеристики сознания поступали со стороны многих исследователей его философствования – как со стороны теологов, так и марксистов. Так, и Г. Марсель, и Н. Бердяев, и М. Мамардашвили, и М. Киссель справедливо обвиняют Сартра в недооценке им таких переживаний, как любовь, доверие. Но, несмотря на эту критику, сама по себе логика развертывания сартровской концепции сознания все же представляет интерес для исследователей экзистенциальной философии при их попытках формирования конструктивной модели сознания и пересмотре феноменологического солипсизма. Сартровская трактовка феноменологии Гуссерля и Хайдеггера, гегелевской диалектики в ранних произведениях французского философа, а также в основном трактате – интересный пример соединения картезианских начинаний и философии жизни, а также определенный синтез феноменологии и философии жизни. Примечательно недопонимание Сартром

некоторых категорий хайдеггеровской философии и, как следствие этого недопонимания, разворачивание автором «Бытия и ничто» собственной оригинальной концепции.

В «Письме о гуманизме» Хайдеггер отмечал, что Сартр его не понял. Действительно, Сартр в своем манифесте противопоставляет эссенцию экзистенции, показывая, что человек не обладает заданной природой. Французский философ отталкивается от высказывания русского («если Бога нет, то все позволено»), но вовсе не одобряет, как это делал Достоевский, послания Павла, отрывком из которого есть это высказывание. Сартр констатирует незавешенность, проективность как важный признак сознания, и поэтому учит избавляться от любых предпосылок в определении человеческой природы. Картезианский мотив феноменологического проекта Гуссерля, а также указанной сартровской констатации налицо – не принимать на веру неочевидное. Но Достоевский, указывающий на горизонтальную проекцию сознания, временность, имманентность, все же наиважнейшей проблемой считает вертикаль «имманентное – трансцендентное» (человек – Бог), вводит важное этическое мерило – «красоту», понимая под ней безусловность внутренней борьбы. Собственно сознание русский философ определяет через «красоту», понимая под ней поле, «где дьявол с Богом борется». Без этой борьбы временная длительность не имеет смысла. Сознание Достоевский определяет как виновность, обеспокоенность за другого (за весь мир), при этом как работу по разоблачению внутреннего света (облачность – это психологические иллюзии всеведения и самолюбия). Философия Достоевского – это, прежде всего, этика. Определение сознания Достоевского возможно только как этическое. Богоискание – основная черта сознания, по Достоевскому, сознание вообще есть «красота». То есть качество нынешнего существования определяется прежним, а будущего – настоящим, при этом предпочтение отдается не «светскому равнодушию», а даже атеизму, важна искренность, борьба, «красота» – порыв к исправлению кривды. Идея «жизни», аутентичного существования, выражается в надежде философа-евангелиста на воскресение «мертвых».

Французский мыслитель утверждает, что он гуманист, поскольку отказывается определить природу человека, вешать на него «этикетку» (признавая право каждого на самоопределение), более того, настаивает, что никакой человеческой заданной природы нет. Человек – это проект, свобода, у него всегда есть выбор, за который человек персонально ответственен. В отличие от Достоевского, Сартр называет себя атеистом, отрицает трансцендентное, считая достаточным исключить из сознания любые содержания. Но при этом произвол самости не может быть ни чем иным, как чувствительностью свободы с игрой сил, определяющих будущее существование, вне всяких императивов. Достоевский убежден в том, что только от незнания собственной доброты человек зол, тогда как Сартр вообще не склонен говорить о добре как таковом, по крайней мере, в основном трактате и статье об экзистенциализме. Таким образом, для Сартра «экзистенция» – это существование, временность, причем не определенная заданными рамками, самоопределяющееся, свобода.

Хайдеггер же понимает философию как онтологию, метафизику человеческого существования, ставя во главе угла феноменологии проблему этики, подобно тому как это делал Достоевский. Если Декарт, Гуссерль, ранний Сартр разрабатывают философию *cogito*, то философ из Шварцвальда уделяет внимание второй части картезианской сентенции, которую сам Декарт оставил без внимания. Sum Хайдеггер рассматривает как бытие-в-мире, возможность этого модуса существования – бытие-вот, ко-

торое определяется как экзистенциальное. Причем экзистенция у Хайдеггера – не заданная гуманистическая категория, а такая определяющая существования, которая зависит не только от усилий самого человека, но она также дар Бытия, ожидаемая, но не гарантированная случайность. Встреча Бытия (или Жизни, надвременных ценностей) и бытия-вот – предположение, но не факт. Истина поэтому Хайдеггером понимается как «стояние в просвете Бытия», сам же человек не сущность, но и не банальное существование в усредненности *das Mann*, но бытие-вот. Утверждать существование как неопределяемое наперед, считает Хайдеггер, недостаточно. Готовый гуманизм еще должен быть поставлен под сомнение. «Время» – это категория хайдеггеровской философии, которая указывает на темпоральность бытия-в-мире, а «Бытие» – на надвременный, примордиальный план, духовность как таковую, открытие которой (истины Бытия) суть не необходимость, но возможность. Экзистенция Хайдеггера – это иллюстрация кантовской этики, но лишенная гносеологических привнесений.

В «Бытии и ничто» Сартр многократно ссылается на Хайдеггера. И несмотря на то, что трактует понятия хайдеггеровской фундаментальной онтологии превратно, он так же, как и немецкий философ, занят описанием бытия-в-мире, которое называет «человеческой реальностью». Сартр считает недостаточной хайдеггеровскую редукцию. Хайдеггер Бытие-Жизнь (надвременность) отождествляет с ничто (Бытие не определяется никаким из сущих), Сартр также отказывается от любых определений трансцендентного, предупреждая, что, попытайся мы встретиться с Бытием, оно всенепременно для нас ничто, ибо мы обречены не иметь гарантий его обнаружения, найдя же, немедленно терять (в этом помогает очищающая рефлексия). Сартр смотрит на проблему Бытия со стороны сознания, опасаясь нигилизма и метафизики, опредмечивания сознания, в чем по ошибке уличает Хайдеггера. Сартр говорит, что недостаточно окружить бытие ничто, подобно шару, подвешенному в пустоте, но следует еще предположить внутренние карманы ничто в самом этом шаре, чтобы ни в коем случае сознание не стало заполненным содержанием, превратившись В-себе. Сознание Сартр определяет как ничто, как несубстанциальный абсолютизм, из которого исключены любые содержания – об этом философ писал в «Трансценденции Эго». Во избежание введения в сознание качеств, действий или состояний, в «Бытии и ничто», ссылаясь на гегелевский метод ничтожения сознания (но не принимая гегелевского гносеологического оптимизма), Сартр старается убедить читателя в обреченности сознания на незнание Бытия (В-себе). Бытию-для-себя, то есть сознанию, противостоит реальность В-себе, которая подобна трем сторонам куба (когда мы их видим, четвертая представляется как обещанная, но без необходимости себя показать, в отличие от ожидаемых денег в кармане или темной стороны Луны, которая, будучи для нас невидимой, все же реально есть). Таким образом, Сартр выступает против введения любых трансценденций в сознание. Но обвинение Сартром Хайдеггера здесь нельзя считать справедливыми: фундаментальная онтология оперирует предельными абстракциями, о бытии-вот Хайдеггер говорит не как о сущности, но как экзистенциале, как о возможности, о чем предупреждает в начале своего трактата.

Так, Сартр допускает методологическую небрежность – неверное толкование «Бытия и времени», он понимает экзистенциалы как категории метафизической философии.

Но все же «Бытие и ничто» – это не только феноменологическое произведение, но и экзистенциальное, ведь в нем воплощается замысел Сартра описать подлинное существование. Сартр пытается описать переживание, бытие-вот, собственно, сознание, и вводит такую характеристику неаутентичного существования, как *mauvais foi*. Но если Хайдеггер, описывая *das Mann*, предполагал в противоположность этому модусу существования в обезличенности такие виды бытия, как бытие-к-смерти, заботу – эдакую даосскую, напоминающую сковородиновскую, этическую трактовку умиротворенности в призванности, охране Бытия, и, таким образом, провидит «мирный» мир человеческого сосуществования, то Сартру кажется иным этот мир. Он стремится показать опыт переживания встречи с другим – Бытие-для-другого, и, признавая ценностью свободу другого, утверждает непременно атрибутом сознания тревогу. Так гуманизм, преклонение перед свободой другого сводится к известному сартровскому утверждению «ад – это другие». Гегель понимал «несчастное сознание» как момент становления сознания, неогегельянская же трактовка сознания Сартра сводит сознание как таковое к этому моменту. Определенность сознания – его смерть, которая, по мнению Сартра, выражается в умиротворенности и отсутствии тревоги, тошноты. Определение сознания как необходимо тревожащегося не позволяет говорить о коммуникативности сознаний. По Сартру, интересубъективность должна рассматриваться как напряженность, борьба-сотворчество, постоянная динамика, не допускающая консенсуса. Обыденный опыт подсказывает, что реальность устроена иначе: сознание суть не только напряженность, но и расслабление, и «ад» инаковости, и «рай» встреч (как с трансценденцией Бытия, так и Другого), напряженная охрана Бытия и его успокоенное ожидание. Стоическая концепция пневматики сознания может рассматриваться в качестве альтернативы сартровскому учению о сознании как ничто. Некоторые исследователи феноменологии отмечают, что противоречие сартровской концепции сознания может быть снято в сферологии Слотердайка. Можно также отметить определенное развитие сартровской концепции в представлении Делеза о складчатости и сознании-мышлении как плане имманенции.

Понял ли Сартр Хайдеггера? Ключевой мотив феноменологии последнего – забота о Бытии, отказ от увлеченности конституированием мира в сознании в пользу надсознательного, трансцендентного сознанию Бытия. Существование Хайдеггер рассматривает как время, в различных модусах, аутентичным же считает бытие-вот, характеристикой которого выступает экзистенция как возможность встречать непотаенное. Сартр также вводит «бытие» в название своего основного трактата, но противопоставляет его не «времени», как Хайдеггер, а «ничто». По мнению Сартра, недопонявшего смысла экзистенциальных категорий хайдеггеровской философии, необходимо радикализировать феноменологический проект Хайдеггера. Дело в том, что Сартр ошибочно считает бытие-вот метафизической категорией, и поэтому, используя гегелевскую идею неантиации, считает необходимым редуцировать любые метафизические предпосылки схватывания Бытия в сознании. Сознание суть ничто, которое Сартр описывает как бессодержательную творческую активность, характеризующуюся тревогой. Но тем не менее, по-своему интерпретировав понятие бытие-вот и экзистенцию Хайдеггера, Сартр в своем основном трактате использует понятие *mauvais foi*, приводимое пояснение которого дает повод считать, что автор «Бытия и ничто» решает ту же задачу, что и автор «Бытия и времени». Аутентичное существо-

вание представляется как возможность, противопоставляемая неподлинности Das Mann, или *mauvais foi*.

Хайдеггер заботится о Бытии, превышающем всякие сущие, Сартр – о Другом, о его свободе. При этом абсолютизация Другого сопровождается недооценкой примордиального, Бытия, надсознательного. С точки зрения Хайдеггера, трансцендентность Другого для сознания может стать за-бытием.

Библиографические ссылки

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14, 15.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Жан-Поль Сартр // Сумерки богов: Сб. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319–344.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad «Marginem», 1997. – 452 с.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–221.

Надійшла до редколегії 25.12.09